

- Графика, 2004. – 386 с. (Серия Концептуальные исследования. – Вып. 3).
16. Пименова, М. В. Концептосфера внутреннего мира человека / М. В. Пименова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. И. Карасик, А. А. Кретов, О. О. Борискина, Е. А. Пименов, // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово: Графика, 2004. – С. 130-178 (Серия Концептуальные исследования. – Вып. 4).
17. Пименов, Е. А. Антропоморфизм как один из способов концептуализации внутреннего мира человека / М. В. Пименова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. И. Карасик, О. О. Борискина, А. А. Кретов, Е. А. Пименов. Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово: Графика, 2004. – С. 179-207 (Серия Концептуальные исследования. – Вып. 4).
18. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – К.: СИНТО, 1993. – 192 с.
19. Стернин, И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / И. А. Стернин, З. Д. Попова, В. И. Карасик, А. А. Кретов, О. О. Борискина, Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово: Графика, 2004. – С. 45-52 (Серия Концептуальные исследования. – Вып. 4).
20. Телля, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телля. – М.: Языки русской культуры, 1996.
21. Трубецкой, Н. С. История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой. – М., 1995.
22. Фрумкина, Р. М. Психоллингвистика / Р. М. Фрумкина. – М.: Academia, 2001. – 320 с.
23. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: УГПУ, 2003. – 2-е изд. – 238 с.

УДК 81:39

М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ КОД В ОПИСАНИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА (опыт исторического описания)

Статья посвящена изучению роли земледельческого кода в описании внутреннего мира человека на разных этапах развития общества и языка. Интерес к земледельческой метафоре обусловлен актуальностью данной субсферы для сознания древнего русича. В работе последовательно описываются разновидности земледельческих метафор в древнерусских текстах, прослеживается их история, судьба в классических текстах.

Ключевые слова: культурный код, картина мира, метафора, концепты внутреннего мира, этнолингвистика, лингвокультурология, концептуальные исследования, земледелие, душа, сердце, ум.

The article is devoted to the description of agricultural code that was useful for metaphorical expression of inner world. The agricultural metaphors were expanded in the old-Russian language. There are different types of the agricultural metaphors in classic old-Russian texts.

Этнолингвистика, возникающая на стыке этнографии и лингвистики, является одним из наиболее активно развивающихся научных направлений. Широкое понимание Д. К. Зелениным этнографии как дисциплины историко-филологической, как науки о народе, изучающей не только быт, способы хозяйствования, семейный и общественный уклад, магические действия, ритуалы и верования, но и в значительной степени устную словесность, язык и происхождение языковых групп явилось плодотворным для современной науки. Безусловно, реконструкция древнейших оснований славянской духовной культуры возможна лишь в результате синтеза лингвистических, этнографических и семиоти-

ческих методов, что и становится возможным в рамках современной этнолингвистики.

Длительное время реконструкция древнейших воззрений славян проводилась преимущественно на базе вторичных письменных, фольклорных и материальных источников, что значительно прояснило древние представления о мире. Постепенно особую актуальность начинает приобретать воссоздание архаической картины мира на основе языковых данных. Язык начинает восприниматься как хранитель культурного кода нации, как путь, по которому возможно проникнуть не только в современную ментальность нации, но и в воззрения древних людей на мир, общество, самих себя. Как отмечают Н. И. Толстой и С. М. Толстая, «язык, консервирующий в себе архаические элементы мировоззрения, психологии, культуры, оказался одним из самых богатых и надежных источников для реконструкции доисторических, лишенных документальных письменных свидетельств форм человеческой культуры» [Толстой, Толстая, 1995, 3].

Выявление генетических истоков базовых концептуальных метафор в различных областях в их связи с культурными традициями, культурными кодами, является необходимым условием для установления специфики культуры славян, в частности, русских.

Культура представляет собой «иерархически организованную систему разных кодов, т. е. вторичных знаковых систем, использующих разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к «картине мира», к мировоззрению данного социума» [Толстой, Толстая, 1995, 7.] Культурные коды формируются в глубокой древности, но в зна-

чительной степени определяют существование славян и до настоящего времени. В. В. Красных определяет код культуры как некую «сетку», которую «культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2002, 232]. Коды культуры соотносимы с древнейшими архетипическими представлениями человека. Коды культуры как особый феномен универсальны по своей природе и свойственны человеку как *homo sapiens*, но их проявления в определенной культуре и метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой. Базовыми являются такие культурные коды, как антропоморфный, зооморфный, растительный (вегетативный), артефактный, пространственный и др. (подробнее о кодах культуры [Толстой, Толстая, 1995; Красных, 2002; Пименова, 2005]).

Земледельческий код являлся одним из наиболее древних и значимых в славянской (и, шире, индоевропейской) культуре. Уже в середине первого тысячелетия земледелие было основным занятием восточных славян, причем на юге плужное земледелие уже имело вековые традиции. При этом земледелие – не только наиболее традиционное, но и «наиболее ритуализированное занятие славян (наряду со скотоводством). ...Для общеславянской традиции характерно представление о высоком статусе земледельческого труда в сравнении с военными и даже магическими функциями высшей власти – князя» [Петрухин, 1999, 312].

Актуальность земледельческого кода определялась и особым отношением славян к земле, существованием в индоевропейской культуре культа земли-матери. Восточные славяне и, в наибольшей степени, русские «сохранили культ матери-земли в его очень архаических проявлениях, к которым относятся запрещения бить землю палкой ..., тревожить землю до Благовещенья..., плевать на землю» [Иванов, Топоров, 1965, 19].

Основное свойство земли – плодородие – имело в глазах древнего человека первостепенное значение, поскольку от этого напрямую зависело его существование. «Неведомая чудесная сила, ежегодно производящая злаки и растения и дающая тем самым пропитание людям и зверям, не могла не вызывать в религиозном сознании почтительного к себе отношения. Появление из мертвой почвы живых ростков казалось загадкой, тайной, чем-то божественным» [Евсюков, 1988, 58].

Человек всегда осмыслил неизвестное через известное, абстрактное – через конкретное, т. е. происходил перенос знаний из одной содержательной области в другую. При восприятии и осмыслении мира человеком значительна роль аналогии, и именно «метафора является языковым отображением крайне важных аналоговых процессов» [Петров, 1990, 189]. Сама земля и деятельность земледельца, в силу их особого значения, в славянской культуре становятся базой для осмысления целого ряда предметов и явлений, формируется земледельческий

код, реализующийся в целой группе земледельческих метафор.

Земледельческие метафоры издавна использовались для описания различных сторон человеческой жизнедеятельности. Так, Л. В. Балашова обращает внимание на то обстоятельство, что во многих случаях «каузативное представление о развитии и причинно-следственных отношениях выражается ...с помощью сельскохозяйственной лексики (посев, уборка урожая): сыне, не сѣи на браздахъ неправды и не пожнешь ихъ седмьмицею (Изборник 1076)» [Балашова, 1998, 27].

Распространенным являлось описание битвы как земледельческих работ, а именно жатвы. Так, в «Слове о полку Игореве» битва описывается как процесс молотбы, уборки хлебов, а расставание души с телом – как отделение зерна от соломы: *На Немнѣ снопы стелютъ головамъ, молотятъ чепи харалужнымъ, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ дѹшу отъ тѣла* («Слово о полку Игореве»).

Значительна роль земледельческого кода и в описании процесса познания или приобщения к новой вере. У Кирилла Туровского процесс христианизации язычников предстает как процесс глубокой весенней всапки: *нынѣ ратѣи слова словесная ѹньца къ дѹховномѹ ярмѹ првводяще и крестное рало въ мысленѹхъ браздахъ погрѹжающе, и браздѹ покаяння прочертающе, семя дѹховное всыпающе, надеждамъ бѹдѹщихъ благъ веселятъся* (Туровский. «Слово о Фомине испытаныи ребрѣ»). *Словесная ѹньца* – новопосвященные христиане, *дѹховное ярмо* – христианская вера, *крестное рало* – крещение, *мысленные бразды* – умственное напряжение (подробнее см. [Колесов, 2002, 46]).

Сам человек и члены его семьи в древности также воспринимались сквозь призму символов, относящихся к земледельческой сфере. Как отмечает С. А. Кошарная, «сходство сравниваемых сущностей было основано на определенных ассоциациях: человек – «зерно», жена (женщина) – «земля», это были ассоциации по подобию осуществляемых функций, причем ассоциации, детерминированные мифом как когнитивной парадигмой» [Кошарная, 2002, 122]. В древней традиции *жена* – «рождающая, подобная земле, подготовленной к посеву», *человек* – «зерно, семя рода», *дети, челядь* – «колося», *семья* – «зерна одного семени». Анализ этимологии лексем *зерно*, *колос*, *семя*, *заябъ* и установление их исходной связи со словами *человек*, *потомок*, *жена* присутствует в целом ряде работ [Колесов, 1986; Преображенский, 1959; Трубаев, 1959; Топоров, 1994]. Таким образом, можно утверждать, что «земледелие как основная хозяйственная деятельность славян, в том числе и восточных ..., детерминировало концептуальное соотношение «Человек» – «Земля». Можно сказать, что в основе этого концептуального соотношения лежит наложение гештальта «земля» на представления о человеке» [Кошарная, 2002, 126].

Не только человек и его бытие во внешнем мире, но и внутренний мир моделировался с помощью земледельческого кода.

I. Центральные компоненты внутреннего мира человека – душа, сердце и ум – представлены в древнерусских текстах как плодородная почва, дающая обильные плоды. В качестве ‘почвы’ в сознании человека Древней Руси представлял ум, в котором укореняется учение: *яко же и мяхкому воску чисто печать воображается, зело и учение от младых ноктей крѣпостнѣ во ум вкореняется* (Справщик Савватий. «Стихотворения») и сердце, на земле которого утверждена вера: *великий же и неполезный столпъ богомъ крѣпко водружан, не на песцѣ основанъ но на землѣ сердечнѣн твердѣ*. («Новая повесть о преславном российском царстве»).

В ‘почве’ души могут ‘укореняться’ привычки, которые затем достаточно сложно выкорчевать: *Яко все мудрыя глаголю, нже многолѣтныя обыкновения, от младости утвердившися во челоуѣческихъ душахъ, во естество обращаются и плоху, или неудовъ загалажаемы бывають. Таковыи онѣ умѣлѣ веткии гнѣсности и нечистыя злости расторгати и искореняти от душъ челоуѣческихъ и нечистыхъ и скверныхъ сущихъ очищати и просвѣщати* (Курбский. «История о великом князе Московском»). В то же время душа является той ‘землей’, в которой ‘произрастает’ и ‘цветет’ благодать: *кто достигнетъ понстине исповѣдати добродѣтелиаго житна его, благодати цвѣтущи в души его* («Житие Сергия Радонежского»).

По наблюдениям З. М. Волоцкой, существует «противопоставление культурных растений, выращиваемых человеком в «своем» пространстве (огороде, поле, саду), дикорастущим растениям, растущим в чужом пространстве без участия человека» [Волоцкая, 1983, 190]. Компоненты внутреннего мира человека, концептуализируемые как ‘место произрастания растений’, также характеризуются категориальными признаками «свой-чужой».

Душа, сердце и ум человека воспринимаются исключительно как окультуренные, освоенные человеком ‘места произрастания растений’, а именно как ‘сад’ и ‘нива’. Образ сада является значимым для большинства культур. В качестве ‘сада’ в сознании человека могут быть представлены *душа, ум и сердце: Садъ высшнй. посрѣде во домѣ гснѣи стои* («Минея»); *говоръ водѣ вѣтромъ вываеъ, умъ въ с(е)рдцѣ садъ вкореняеъ* («Софийская первая летопись»).

В классических текстах сердце также представляется метафорами земли и ее функциональными признаками – почвой и ландшафтом. В ‘земле’-сердце лежат камни: *А подумать – правы смрадные уста: для высокой славы слишком я проста, был бы камень в сердце – тишь была б да гладь!* (Васильева. «Обида»), на дне сердца-‘земли’ хоронят тайны: *Рокочная тайна была похоронена на дне сердца, но с этого дня червяк смерти засел уже в нем.* (Лажечников. «Ледяной дом»), из ‘почвы’-сердца бьют ключи: *Любовь, стыдливость, которой не учили ее в гареме, а научила сама природа, были ключом из ее сердца и*

выступали на щеках румянцем, в глазах – томительным огнем. (Лажечников. «Ледяной дом»).

В душу-‘почву’ просачиваются чувства (*Радость, что он еще живой, которой он не давал до этого хода, нет, не нахлынула на него, а так, потихоньку начала пробиваться, просачиваться в душу...* (Кондратьев. «Сашка»).

Ландшафт мира души представляет благоустроенное, освоенное пространство ‘сада’ [см. подробнее: Пименова, 2004]. В душе растут сады: *Но Дух не спит – и побораеъ ад. Вѣрь в чудо, исцеляются калеки. И если мы сейчас – в Железном веке, В душе растѣт посеянный в ней сад.* (Бальмонт. «Нет Бога, кроме Бога»). Сад – облагоустроенное, освоенное пространство, которому противопоставляется дикое, неосвоенное пространство леса. В русской культуре лес понимается как темное, непроходимое пространство. Соответствующие метафоры, переносимые в область внутреннего мира, связывают эти признаки с отсутствием умственной деятельности: *Лес кругом его и в душе все чаще и темнее; тропинка зарастает более и более; светлое сознание просыпается все реже и только на мгновение будит спящие силы* (Гончаров. «Обломов»); ср. метафору: *непроходимо глуп*.

Необлагоустроенная часть пространства души описывается через образы пустыни – безжизненного, неосвоенного пространства внутреннего мира: *Не за свою молю душу пустынную, За душу странника в свете безродного; Но я вручить хочу деву невинную Тѣплой заступнице мира холодного.* (Лермонтов. «Молитва»); *Немой души его пустыню Наполнил благодатный звук...* (Лермонтов. «Демон»); *Ужели вовсе ты не сожалеешь ныне О днях, потерянных в тревоге и слезах? О сумрачных, но вместе милых днях, Когда в душе искал ты, как в пустыне, Остатки прежних чувств и прежние мечты?* (Лермонтов. «Ужасная судьба отца и сына...»).

Признаки пустыни передаются признаками ‘отсутствия воды, необходимой для почвы-души’: *сухая душа; печаль/горе сушит душу; любовь иссушила/высушила душу; Два-три романа, В которых современный человек Изображѣн довольно верно С его безнравственной душой, Себялюбивой и сухой, Мечтанью преданной безмерно...* (Пушкин. «Евгений Онегин»), ‘безжизненность’ (безжизненная душа; *Опять явилось вдохновенье Душе безжизненной моей И превращает песнопенье Тоску, развалину страстей.* (Лермонтов. «Измаил-Бей»). Слово пустыня мотивировано признаком ‘пустота’: *С опустошенной душой скакал в глубь калмыцких бесплодных степей Иван Кочубей.* (Первенцев. «Кочубей»); *И снова, преданный безделью, Томясь душевной пустотой, Уселся он – с похвальной целью Себе присвоить ум чужой.* (Пушкин. «Евгений Онегин»); *У неѣ [Вари] не хватало мужества сразу сознаться в этом: не так легко было выбросить все, чем долгие дни и ночи она жила – страдала, наслаждалась, – и ощутить в душе внезапную, ничем не заполнимую пустоту* (Фадеев. «Разгром»).

Пустыня в русской языковой картине мира – это пространство, где отсутствуют признаки жизни;

песок и оазисы – совершенно не обязательные составляющие «русской пустыни». Душа-‘дом’ – обжитое пространство – может быть окружено пустыней: *Нет конца и нет начала, Нет исхода – сталь и сталь. И пустыней бесполезной Душу бедную обстала Прежде милая мне даль* (Блок. «Как свершилось, как случилось?»).

‘Почва’ ума бывает истощенной и плодородной: *неистощимый ум; истощенный ум*. Плодородие ‘почвы’ ума зависит от степени насыщенности водой: *иссушить (свой) ум*. Иссушают ‘почву’ ума знания: *Мы иссушили ум наукою бесплодной, Тая завистливо от ближних и друзей Надежды лучшие и голос благородный Неверием осмеянных страстей* (Лермонтов. «Дума»).

В описаниях внутреннего мира метафорами ‘почвы’ встречаются климатические характеристики, когда ‘земля’ ума или сердца описывается как покрытая снегом: *Большие крылья снежной птицы Мой ум метелью замели* (Блок); *Зимней степи сумрак скучный, Саван неба, облака! И простёртый саван снежный На холодный труп земли! Вы в какой-то мир безбрежный Ум и сердце занесли* (Вяземский. «Дорожная дума»).

Уподобление ‘ниве’ характерно для души и сердца. Следует отметить, что данная метафора присутствует и в тексте Священного Писания, где сердце является пространством, которое ‘засеяно’ словами: *Всякоу слышаещеу слово царствия и не разумеающеу, приходитъ лѣкавыи и восхущаетъ сѣянное в сердцахъ ехъ. снѣ есть, еже при пѣти сянное* (Мф. 13: 19); *Сѣя и, слово сѣетъ. Снѣ же сѣтъ, нже при пѣти, ндѣ же сѣтѣся слово, и егда оуслышатъ, авне приходитъ Сатана и штемлетъ слово сѣянное въ сердцахъ нхъ* (Мк. 4: 15).

‘Нива’ души и сердца подвергается всем основным действиям, которые характерны для обычного поля.

1. Пахота. Прежде всего, ‘ниву’ необходимо ‘вспахать’: *Штець бо сего Володимѣрь [землю] взора и оумакчи рекше крещеньемъ просвѣтнѣвъ. съ же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людии* («Лаврентьевская летопись»). Смягчение ‘нивы’ души и сердца является подготовительным этапом для восприятия человеком истины, а также необходимой предпосылкой для движения человека верным путем: *...да умягчитъ господь нивы душевныя сердецъ вашнхъ, еже слышатн и разумѣватн всѣмъ истиннѣ и поитти путемъ правымъ, да ногы мыслн нашей не поткнутъся* («Московский летописный свод»); Господь же, премногостивый богъ, умягчилъ ниву сердца ея: прислала на утро сына среднева Ивана ко мѣ, – со слезами проситъ прощения матери своей, ходя и кланяясь около печи моей («Житие протоппоа Аввакума»); Сня же слыша яз, непотребный Васнянъ, и напнсахъ себѣ, умягчая ниву сердца своего злонаравне, помня старца старца подвизн и нежеленне мира сего наслаженне для вѣдущнхъ вѣчныхъ благ наслаженне, ндеже праведнии лнкоствуютъ (Житие Фотия Волоцкого); ты, о благо-

честивый снхъ рнфмъ читателю, бога правды и жнзнн вѣчныи искателю, умягчи прежде ниву внѣтръ сердца твоего, потомъ вся писанная въ него («Анонимная поэзия»).

2. Затем ‘ниву’ необходимо удобрить или напитать, чтобы она дала обильные плоды: *Кая же сна вся, яже дѣшѣ удобрятн вѣдѣтъ? Сѣ смнн же и сна: око чнсто от злыя завнстн къ всѣмъ храняще; грѣдость же осатѣльше, дрѣгъ дрѣга честнѣ больша творяще* (Макарий. «Великие Миней-Четьи»).

Удобрение и плодоношение столь тесно связаны, что это проявляется и в языке, один и тот же глагол оугобзити имеет два значения: 1) *напнтыватъ, насыщатъ досыта, напаятъ* и 2) *урождатъся в изобилн* [Полный Церковнославянский словарь, 2001, 748]. Напоенная, насыщенная ‘почва’ души позволяет зародиться мыслям в сердце: и потомъ минуло 11 лѣтъ, и уговѣлся святому Андрею нива душевнаа, и положнся ему большая мысль въ сердце, и начя сѣзнатн дрѣгын град Володимѣрь, и заложн третью церковь каменѣ святыхъ Богороднцѣ о едномъ вѣрствѣ («Новгородская первая летопись»).

В русском языке ‘напнтываться’, ‘удобряться’ может ум: *Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользает от пытливого вниманнѣ ребѣнка; неизгладимо врезывается в душу картина домашнего быта; напнтывается мягкий ум живыми примерами и бессознательно чертитъ программу своей жнзнн по жнзнн, его окружающей* (Гончаров. «Обломов»).

3. Наиболее распространенной является метафора посева когда душа, сердце и ум наполняются семенами: *Прннде ж во времена гладъ велнк на землю, самодержецъ же в тузе и в болѣзнн быв н, нндев паденнѣ многа, зжалнся зело гладныхъ радн, и ннву сердца своего благоразсѣднаго многосерднѣ жнтя насѣявъ, существеннѣ пшеницѣ, елнко предержащѣ человеческому естествоу, роздатн повелѣ* (Хворостинин. «Словеса царей, дней и святителей»). Семя и зерно – «это самый общий и самый глубокий из всех растительных символов, подчеркивающих идею непрерывности развития жизни, плодородия» [Топоров, 1997, 369]. Именно зерно «обладает свойством надолго сохранять и вновь и воссоздавать жизнь, умножая ее. Семя – растение – семя составляют извѣчный круговорот, который свидетельствует о нескончаемости жнзнн» [Некрылова, 1991, 13].

Семена, которыми ‘засеяно’ сердце человека, – это семена Божественные: *Всегда сѣю в ниву сердецъ Вашнхъ сѣмя Божественное, нн колн же внжю прозябша и плод породнвшѣ* («Слова Серапиона Владимирского»). В качестве ‘семян’ выступают и слова, которые, упав на благодатную почву, прорастают: *Ярославъ сынъ Володимѣрь же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ люди, а мы пожннаемъ оученье прннѣмлюще книжное* («Ипатьевская летопись»).

Так или иначе, процесс засеивания души и сердца связан с познанием истины, с приобретением человеком мудрости: Отрок же сътвори поклонение старцу и аки земля плодovitая и добродная, сѣмена приемши въ сердци си, стояше, радуясь душею и сердцем, яко соподобился такова свята старца обрѣсти («Житие Сергия Радонежского»). Но если обычно посев приносит плоды, то у некоторых людей данный процесс является заведомо бесполезным в силу их несовершенной природы: Не сѣи бо на бразнахъ житѣ, ни мудрости на сердци безумныхъ («Моление Даниила Заточника»).

Помимо здоровых семян в сердца человека могут быть посеяны и больные семена – хвала и гордость: А ндрѣи же князь распольвѣся гнѣвомъ. такова оубо слова похвална испустити. яже Богови студна и мерьска. хвала и гордость. си бо вся быша отъ дьявола на ны, иже высеваетъ въ сердце наше хвалу и гордость («Ипатьевская летопись»); Про что человеческого естества, вкратце рещи, жилы пресекалъ еси, и всю крѣпость разрушилъ и отъялъ хотяши, такову некрѣпую везвожну въ сердце царя християнского всѣялъ, отъ неяже во всей святой Руской земли таков пожар лютей возгорѣлся, онемже свѣдѣтельствуютъ словеса мною не потреба? (Курбский. «История о великом князе Московском»).

Брошенные сеятелем в сердце человека «семена» не всегда прорастают и дают плоды: Всегда сѣю в нивѣ сердце въшнихъ сѣмя Божественное, ни колъ же вънжу прозябша и плодъ породивша («Слова Серапиона Владимирского»). Виновником этого может быть не только сам человек, но и Дьявол, стремящийся помешать человеку в его духовных исканиях: Сѣяи, слово сѣетъ. Сн же сѣтъ, иже при пѣти, нѣ же сѣется слово, и егда оуслышатъ, а не прихотѣтъ Сатана и штемлетъ слово сѣянное въ сердцахъ ихъ (Мк. 4: 15).

В современном русском языке метафоры посева также распространены: *посеять семена подозрения в сердце; посеять в душе любовь; посеять в душе надежду; заронить в ум зерно сомнения; заронить в ум мысль/мечту; Падѣтъ в наш ум чуть видное зерно И зреет в нем, питаясь жизни соком; Но час придет – и вырастет оно В создании или подвиге высокоом...* (Шевырёв, «Мысль»); *Оттого он [Штольц] ... шутя, мимоходом забрасывал ей в жадный и восприимчивый ум новую, смелую мысль, меткое наблюдение над жизнью и порождая в её душе, не думая и не гадая, живое понимание явлений, верный взгляд, а потом забывал и Ольгу, и свои небрежные уроки* (Гончаров. «Обломов»); *Детский ум его наблюдает все совершающиеся перед ним явления; они западают глубоко в душу его, потом растут и зреют вместе с ним* (Гончаров, «Обломов»).

Сердце, как пашню, засевают подозрения: *посеять семена подозрения в сердце*. Часто встречаются метафоры не только посева, но и самосева сердца и души: *Сладкие минуты, ожидающие его в будущем с Анастасией, заронились в его сердце и воображении* (Лажечников. «Басурман»), *Детский ум его на-*

блюдает все совершающиеся перед ним явления; они западают глубоко в душу его, потом растут и зреют вместе с ним (Гончаров. «Обломов»).

4. Затем наступает период **созревания, прораствания посеянного** на ниве внутреннего мира. Семена «зреют», находясь в «почве» души, сердца и ума: *зреть в душе; Падѣтъ в наш ум чуть видное зерно И зреет в нем, питаясь жизни соком; Но час придет – и вырастет оно В создании или подвиге высокоом...* (Шевырёв. «Мысль»); *Миних совершил это дело, может быть, оплодотворив в сердце своем семена, брошенные на него Волынским (Лажечников. «Ледяной дом»); Детский ум его наблюдает все совершающиеся перед ним явления; они западают глубоко в душу его, потом растут и зреют вместе с ним* (Гончаров, «Обломов»). *(Дочь Палеологов, награжденная от природы силою ума и воли, в которой отказано было ее братьям, знала очень хорошо, какая безделица нужна была, чтобы решить супруга на исполнение великого дела, созревшего в могучей душе его* (Лажечников, «Басурман»).

В сердце «зреют» семена-чувства: *Дай мне неспешно и нежизненно Поведать пред Лицом Твоим О том, что мы в себе таим, О том, что в здешнем мире живо, О том, как зреет гнев в сердцах...* (Блок, «Народ и поэт»), как в земле, укореняются мысли, образы и чувства (*укорениться в сердце; вырвать из сердца; Зачем природа И небеса таким тебя создали? Что говорю? Ах! так ли я успею Из глубины сердечной милый образ Искоренить?* (Пушкин, «Из Alfieri»).

5. Когда вырастает посеянное, наступает время сбора урожая, время **жатвы**. Жатва – «один из наиболее ответственных периодов в хозяйственном цикле земледельцев, относящихся к хлебу как к высшей ценности» [Виноградова, Усачева 1999: 196]. Как правило, отдельному человеку удается только произвести «посев», заронив в людские сердца семена истины, а сбор «урожая», «жатва» производится уже его потомками или духовными преемниками: *Ярославъ сынъ Володимерь же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей. а мы пожинаемъ оученье приемлюще книжное* («Ипатьевская летопись»). «Жнут», таким образом, проросшие «колосья» книжного ученья. В русском языке «жатве» также подвергаются результаты интеллектуальных усилий человека: *Так горный пламень вдохновенья Горит над нивою души, И сплет жатва дум в тиши, И созревают песнопенья...* (Глинка, «Жатва»).

В описании процесса приобщения человека к истинному вероучению, в познании книжности присутствуют все этапы земледельческих работ: пахота, удобрение, посев, жатва. Иногда все эти стадии присутствуют даже в одном контексте: *Штець бо сего Володимерь [землю] взора и оумачи рекше крещеньемъ просвѣтитъ. съ же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей. а мы пожинаемъ оученье приемлюще книжное* («Лаврентьевская летопись»).

Таким образом, в древнерусских текстах компоненты внутреннего мира человека предстают прежде всего как 'почва', над которой производятся различные действия, связанные преимущественно с злаковыми культурами, т. е. душа, сердце и ум – это прежде всего 'земля-пашня', 'земля-нива', реже – 'сад'. В текстах XIX–XX веков земля уже в меньшей степени связана с сельскохозяйственной деятельностью, это одна из четырех стихий, почва в самом широком смысле, акцент делается на ландшафтных признаках.

II. Второй немаловажный аспект в характеристике сельскохозяйственной метафоры – классификация типов земледельцев, которые трудятся на 'ниве' души и сердца.

1. В качестве 'земледельца', возделывающего 'ниву' внутреннего мира, может выступать Бог: ...*да ѹмѣгнѣти господь нивы дѹшевныя сердцеѹ вашнѹ, еже слышати и разѹмѣвати всѣмъ истиннѹ и поити пѹтемъ правымъ, да ногы мысли нашей не поткнѹтся* («Московский летописный свод»).

2. В качестве 'сеятеля' может выступать и дьявол, что вызывает негативные проявления в поведении человека: *Андрѣи же князь располоѣвсѣа гнѣвомъ. таково оуво слова похвална испустн. яже Б(ого)ви стѹдна и мерьска. хвала и гордость. си бо вся быша от дѣявола на ны, нже въсеваеѣ въ сердце наше хвалѹ и гордость* («Ипатьевская летопись»). Сатана также стремится помешать семенам, брошенным в сердце человека Сеятелем, дать всходы, прорасти: *Сѣѣа н, слово сѣѣтъ. Си же сѣѣтъ, нже при пѹти, ндѣ же сѣѣтъ слово, н егда оуслышатъ, авне приходитъ Сатана и ѡтемлетъ слово сѣѣнное въ сердцахъ нѹхъ* (Мк. 4, 15).

3. Человек может выступать в роли 'сеятеля' по отношению к другому человеку: *Не сѣи бо на браздахъ жита, ни мѹдрости на сердци безѹмныхъ* («Моление Даниила Заточника»); Про что человеѣческаго естества, вкратце рещи, жилы пресекаѣ еси, и всю крѣпость разрѹшити и отъяти хотѣши, таковоѹ нскрѹ безбожнѹю в сердце царя християньскаго всѣяѣлъ, отъ неяже во всей святой Рѹсской земли таково пожар люте възгорѣлся, онемже свѣдетельствовати словеса мню не потреба? (Курбский. «История о великом князе московском»), либо к самому себе. В сборнике афоризмов «Пчела», получившем широкое распространение в Древней Руси, приводятся слова Сократа: Вот увидел ученика своего, отдающего силы пашне, а к учению нерадивого, и сказал: «Берегись, друг, если только пашню свою хочешь возделать, а дѹшѹ свою оставишь необработанной» («Пчела») (подробнее см. [Кондратьева, 2004]).

III. Сердце, ум и душа сами могут быть уподоблены 'семенам' или 'зернам': *Если б даже был у меня голос исполина, не почувствовал бы я, как можно людские умы и сердца собрать воедино, как собирают в богатое единство полновесные зѣрна ржи из тяжѣлого снопа...* (Бальмонт. «Рознь»); *А кто знает, как рано начинается развитие умст-*

венного зерна в детском мозгу? (Гончаров. «Обломов»); *По мнению его, человеческие души, яко жито духовное, в некоей житнице сложены, и оттоль, в мере надобности, спускаются долу, дабы оное сонное видение вскорости увидети и по малом времени вспять в благожелеемую житницу благопоспешно возлететь* (Салтыков-Щедрин, «История одного города»).

Зерно и плоды, как уже было отмечено, это одни из самых древних растительных символов, при помощи которых передаѣтся идея жизни и еѣ непрерывности. Зерно – это «средоточие вегетативной силы, символ плодородия, возрождения, жизни, бессмертия, вечного обновления, зародыш новой жизни» [Усачева, 1999: 324]. Именно эти характеристики позволяют уподобить зерну сердце и душу, являющиеся органами, без которых невозможно физическое и духовное существование человека. По замечанию М. М. Маковского, «слова со значением «хлеб на корню» соотносятся со словами, имеющими значение «дух, душа, дыхание»: ср. тох. А wasa «хлеб на корню», но тох. А was «дыхание»; хет. halki «хлеб на корню», но ирл. scal «дух»; др.-англ. bled «хлеб на корню», но англ. breath «дыхание»; хет. harsi «хлеб, зерно», но латыш. gars «душа»; др.-инд. dhapa- «хлеб на корню» (*dheg-na), но русск. *дух, душа*» [Маковский, 1996, 172]. Значение «хлеб (на корню)» могло связываться также со значением «центр», «середина» (в отличие от Хаоса); ср. хет. halki «хлеб на корню», но валл. sutch «половина, середина»; греч. arton «хлеб», но др.-инд. ardha- «половина, середина»; гот. hlaihs «хлеб», но нем. Halb «половина, середина» [Маковский, 1996, 173].

Среди других признаков злаков у души можно отметить признак 'сухая трава': *соломенная душа* (прост.); *Я душой Сам не свой, Сохну, как в неволе* (Бахтурин, «Песня ямщика»). Соломенной душой презрительно называют трусливого, малодушного и ненадежного человека: – *Гаврило ничего этого, что надо было, не сказал управителю; такая уж душа соломенная! Не токмо перед управителем, другой раз и перед своим-то братом, – кто побойчее, – и то молчит* (Григорьевич, «Пахатник и бархатник»).

Метафорично человек представлен в русском языке как некий 'плод', который зарождается в утробе матери (слово *плод* имеет значения «часть растения» и «потомство»), а по мере взросления он становится 'зрелым': *Когда у ней [Ольги] рождался в уме вопрос, недоумение, она не вдруг решалась поверить ему: он был слишком далеко впереди еѣ, слишком выше еѣ, так что самолюбие еѣ иногда страдало от этой незрелости, от расстояния в их уме и летах* (Гончаров, «Обломов»). Как отмечает Н. Е. Мазалова, «естественная смерть наступала, когда человек исчерпывал отведенную ему жизненную энергию: «Не старый умирал, а поспелый» [Мазалова, 2001, 134].

Компоненты внутреннего мира воспринимаются как части природного мира. Плод в мифологической традиции символизирует идею изобилия, плодородия, успеха, жатвы. *Сердце*, как плод, со-

зревает: *сердце созрело*, бывает сладким: *сердца сладостная страсть*. В духовном плане плод – это символ мудрости: *Эти книги вымыли мне душу, очистив её от шелухи впечатлений нищей и горькой действительности* (Горький). Признаки плода используются для описания эмоциональных переживаний человека: *Плохо бедняге – не ест и не пьёт, червь ему сердце больное сосёт...* (Некрасов, «Несжатая полоса»), результатов умственной деятельности: *плоды чужого ума; плодотворный ум*, опыта и его отсутствия: *зрелый ум; незрелый ум/ умок; Недозрелый умок, что вешний ледок*. Опыт относится как к области эмоционального, так и ментального знания: *Его сердце созрело прежде ума* (Лермонтов, «Странный человек»).

Таким образом, можно сделать вывод, что земледельческий код является одним из наиболее древних способов осмысления и описания внутреннего мира человека. Хорошо знакомый человеку процесс земледелия, особое отношение к земле как главной ценности, от которой во многом зависит существование человека, обусловило перенос ее характеристик на компоненты внутреннего мира, также воспринимаемые как необходимые и важные для существования. Глубокая архаика метафор обработки земли связана с мифологическим сознанием человека; «именно земледелие в большей степени определяло представление древнего славянина о самом себе и окружающей действительности» [Кошарная, 2002, 118]. Возникновение и развитие земледельческих метафор связано с условиями существования славян, которые по преимуществу были земледельцами. В этой связи человек мыслился не как социальное существо, что свойственно современному языковому сознанию, а природное существо.

Чаще всего земледельческие метафоры использовались в древнерусском языке для описания процесса познания, приобщения к православной вере. В текстах русской классической литературы земледельческие метафоры описывают не только интеллектуальную, но и эмоциональную жизнь человека.

Для современного языкового сознания актуальными выступают не все существовавшие ранее земледельческие метафоры. Практически не встречаются метафоры удобрения и пахоты в описаниях души, ума и сердца. Это объясняется теми условиями новой жизни, где современный человек мало знает о деталях сельскохозяйственных работ. Соответствующие метафоры употребимы обычно в религиозных текстах, сохраняющих канонические сравнения. Такие каноны знакомы не всем современным носителям языка вследствие атеистического воспитания.

Таким образом, земледельческие метафоры в истории русского языка развивались по пути первоначальной актуализации признаков способов обработки земли, с постепенным переходом к ландшафтными признакам, с помощью которых выражались особенности освоенности или неосвоенности компонентов внутреннего мира.

Для русского языка актуальны когнитивные модели 'своё → освоенное, полезное, дающее плоды, красивое, светлое и ухоженное пространство

внутреннего мира', 'чужое → неосвоенное, тёмное, опасное пространство внутреннего мира'. Эти модели используются для описания внутреннего мира, в частности, при концептуализации растительных характеристик компонентов внутреннего мира. Такие модели проявляют ландшафтные особенности проживания русского народа: непроходимый лес, бор, чаща – то, что окружает поселения людей, сад, нива, возделанная земля – то, что создает народ в процессе своей деятельности.

Литература

1. Балашова, Л. В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XIV вв.): автореф. ... канд. филол. наук / Л. В. Балашова. – Саратов, 1998. – 42 с.
2. Виноградова, Л. Н. Жатва / Л. Н. Виноградова, В. В. Усачева // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – М.: Международные отношения. – 1999. – Т. 2. – С. 191–196.
3. Волоцкая, З. М. Лексика болгарских загадок (опыт составления семантического словаря загадок) / З. М. Волоцкая // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии / Отв. ред. Л. Н. Смирнов. – М.: Наука, 1983. – С. 187–204.
4. Евсюков, В. В. Мифы о вселенной / В. В. Евсюков. – Новосибирск: Наука, 1988. – 175 с.
5. Иванов, В. В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М., 1965.
6. Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
7. Колесов, В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб.: Юна, 2002. – 448 с.
8. Кондратьева, О. Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов *душа, сердце, ум*): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2004. – 205 с.
9. Кошарная, С. А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С. А. Кошарная. – Белгород: БГУ, 2002. – 288 с.
10. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
11. Мазалова, Н. Е. Состав человеческого: человек в традиционных соматических представлениях русских / Н. Е. Мазалова. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 192 с.
12. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М.: ВЛАДОС, 1996. – 415 с.
13. Некрылова, А. Ф. Русский земледельческий календарь А. Ф. Некрылова // Круглый год. – М.: Правда, 1991. – С. 3–16.
14. Петров, В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135–143.

15. Петрухин, В. Я. Земледелие / В. Я. Петрухин // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – М.: Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 312.
16. Пименова, М. В. Вегетативный код как способ описания внутреннего мира человека / М. В. Пименова // *Ethnohermeneutik und antropologie* / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2004. – S. 95–102.
17. Пименова, М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2004. – 386 с.
18. Полный Церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / Сост. протоиерей Г. Дьяченко. – М.: Отчий дом, 2001. – 1120 с.
19. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка / А. Г. Преображенский. – М., 1949. – Т. 1.
20. Толстой, Н. И. О словаре «Славянские древности» / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 3–14.
21. Топоров, В. Н. Из индоевропейской этимологии / В. Н. Топоров // *Этимология 1991–1993*. – М., 1994. – С. 126–164.
22. Топоров, В. Н. Растения / В. Н. Топоров // *Мифы народов мира: Энциклопедия*. – М., 1999. – Т. 2. – С. 368–371.
23. Трубачев, О. Н. Термины кровного родства / О. Н. Трубачев // *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*. – М., 1959. – С. 3–23.
24. Усачева, В. В. Зерно / В. В. Усачева // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – М.: Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 324–327.